

Хранитель

Известия -
2003. - 17
февр. - с. 13

Пушкинские Горы отметили 100-летие со дня рождения Семена Гейченко

В субботу в научно-культурном центре Пушкиногорье праздновали именины его легендарного директора Семена Гейченко, днем раньше его 100-летие. Установили бюст директора, открыли тематическую выставку, провели Гейченковские чтения.

Юлия КАНТОР

Семен Степанович Гейченко родился в Петергофе, окончил литературно-художественный факультет Петроградского университета. Затем в течение 13 лет работал в столице фонтанов, откуда был приглашен в Русский музей, позже — в Литературный музей Пушкинского Дома. Потом началась война, на фронтах которой рядовой минометного расчета Семен Гейченко потерял руку... Он пришел в Михайловское, превращенное в узел обороны, где парк был перерыт ходами сообщений, а в доме Пушкина находилась огневая позиция артиллеристов, — в 1944-м.

44 года директорствовал он в Пушкиногорье, возродив его из пепла, сделав самым посещаемым литературным музеем страны. Год назад ученый совет заповедника обсуждал предстоящее 100-летие Гейченко с подчеркнутым пиететом. Все, что связано с Гейченко, здесь не подлежит не только критике, но и обсуждению. «Для меня Семен Степанович был Зевсом, я мечтала работать с ним.

Пришла сюда 30 лет назад, девчонкой. Таких, как я, здесь большинство», — рассказывает заместитель директора заповедника Людмила Тихонова.

Канонизация Гейченко, впрочем, в большой степени исходящая отнюдь не только от пушкиногорцев, мешает сегодня оценить деятельность бессменного директора. Он существовал в советской системе координат, и бессмысленно его теперь упрекать за это. Но при этом он деидеологизировал имя поэта, невзирая на условности все того же советского времени. Можно сколь угодно долго спорить: опоясанный цепью дуб, ожидающий «кота ученого», и таблички в парке со стихами Пушкина — способ диалога с посетителями или превращение гениального в повседневное. Спорить, видимо, можно и нужно: дискуссия освобождает имя Гейченко от той «неодушевленности», которую он так не любил. Но как бы ни ломали копыя сегодняшние культурологи и литературоведы, неоспоримо одно: если бы в 1944-м на послевоенное пепелище не пришел именно Гейченко, теперь просто не было бы предмета для дискуссии.